

1.Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных текстов (прозаического или лирического), учитывая следующие аспекты: доказательные рассуждения с опорой на текст, наличие комментариев и оценок, выявление авторской позиции и способов её выражения, детальность аргументации, корректное использование литературоведческих понятий, логичность, связность, отсутствие грамматических и речевых ошибок, грамотность, использование фонового материала из области культуры и литературы.

Направления для анализа: смысл названия произведения, нравственно-философские проблемы рассказа, решение вопросов милосердия и толерантности, выявление авторского «Я», назначение диалогов, роль языковых, художественных средств в выявлении основной идеи текста.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

А. Снегирёв «Фото в чёрном бушлате»

Сильный удар в лоб едва не сбил его с ног. Чертыхаясь и растирая ушибленное место, он то кланялся, то искал глазами причину неожиданного нападения. Скоро он разглядел металлическую трубу, приваренную поперек калитки как раз на уровне его лба. Проход явно не предназначался для высокорослых.

— Я же предупреждал, — с сочувствием и насмешкой сказал проводник. Он шел впереди и предусмотрительно наклонился.

В село приехали затемно. Езда по горной дороге хоть и была по здешней традиции быстрой, но даже местные лихачи не могли перекрыть эти километры меньше, чем за три с половиной часа. Фонари вдоль шоссе горели только на равнине и совершенно пропали по мере подъема. Один раз они остановились, чтобы полюбоваться на гладь затопленного ущелья возле новой электростанции.

Выбравшись из автомобиля, он сразу увидел темную громаду горы. Полтора года назад русские солдаты карабкались на нее, штурмуя последний оплот имама. Он засмотрелся и получил трубой по лбу.

Проводник тем временем уже колотил в железную дверь и кричал цокающие и харкающие местные слова. Лязгнул замок, в проеме света показался женский силуэт.

— Принимай гостей, хозяйка, — сказал проводник по-русски, и они вошли внутрь.

Просторный зал, широкая лестница на второй этаж, длинный стол, уставленный блюдами. Пригласив садиться, женщина юркнула на кухню, устроенную в соседнем помещении, и тотчас вернулась, дымя переполненным круглым подносом.

— Это наша новая гостиница, — гордо сказал проводник, обводя рукой пустое пространство. — Сезон кончился, ты — единственный турист.

Они устроились за столом друг напротив друга, в предвкушении потеряли ладони и принялись нагребать на свои тарелки аппетитные куски. Гость кивнул на бутылку, вопросительно взглянув на проводника.

— Угощайся, — сказал проводник.

— А ты? — спросил гость.

— Не пью, — ответил проводник.

— Совсем? — уточнил гость.

— Совсем, — вздохнул проводник и добавил: — С прошлого Нового года.

Гость задумчиво посмотрел на бутылку, собрался уже было скрутить зеленую крышку, но передумал и вместо этого приложил оттаивающее стекло к ушибленному лбу.

— Вот это правильно, — одобрил проводник, воодушевившись неожиданной трезвеннической солидарностью гостя. — Кушай, остынет.

Они взялись за вареные куски теста и мяса, приготовленные одним из многочисленных способов, стали закусывать красными помидорами и зеленой кинзой, заедать белой лепешкой и запивать абрикосовым напитком из плодов, собранных в горных садах. Женщина сидела у края стола и, подперши голову, с наслаждением наблюдала за едоками.

Утолив первый голод и одновременно забыв о набухающей шишке, гость огляделся по сторонам. Стену украшала обширная картина со старинным кораблем, рассекающим волны на всех парусах. Заметив взгляд гостя, проводник с гордостью сообщил, что это работа его сына, что парень учится изобразительному искусству и не случайно учится.

— Гены, — многозначительно произнес проводник, и стало ясно, что отпрыск унаследовал способности именно от него.

Гость спросил у проводника, рисует ли он сам. Ответом послужил полный достоинства кивок и целый рассказ, раскрывший заодно и причину алкогольного воздержания проводника.

Давным-давно, двадцать пять, а может быть даже двадцать шесть лет назад проводник только окончил школу и слонялся без дела по пыльным улочкам села. Мечтой его была служба в военно-морском флоте, дома на почетном месте висели фотографии отца и деда в бескозырках и черных бушлатах. Попасть на флот было непросто — желающих много,

отбор строгий. Особое внимание уделялось не только физическому, но и нравственному состоянию призывника. И вот, накануне визита в военкомат, герой рассказа подрался. Этот недостойный моряка поступок можно было бы скрыть, если бы не рука, которую он в пылу драки сломал. Сломанная рука напрочь перекрывала дорогу на флот.

Тут-то впервые и проявилась смекалка проводника — он отправил на медосмотр товарища. Системы идентификации личности в те времена были не так совершенны, как теперь, и подлог остался нераскрытым. Пока дошло до призыва, кость срослась, и наш герой оказался на противоположном берегу моря, на базе Краснознаменной Каспийской флотилии.

Служба пошла своим чередом; днем бег в трусах и сапогах по плацу, ночью рейды по кишашим арбузами бахчам. Оказавшись на судне, получил завидное место кока. Белоснежный передник, накрахмаленный колпачок, продуктов завались. Назначение, однако, не радовало — не мужское это дело у плиты стоять. Подал рапорт. Сначала не отпускали; честный кок — редкость, но потом нашли замену и просьбу удовлетворили — с кухни перевели матросом на спасательно-поисковый катер. Белоснежный колпачок сменился на черную бескозырку. К чинам не стремился; чистые погоны — чистая совесть. На Новый год доверили почетную обязанность — переодеться в шапку, варежки, тулуп и бороду Деда Мороза и поздравить экипаж.

Тем временем в Баку начались непонятки — разразился армянский погром. Для разделения нападающих и гонимых осуществили ночную высадку. Ночью подошли на эсдэкашках — средних десантных кораблях — и попрыгали прямо в воду. А сезон не купальный — январь месяц. Мокрые выбрались на пляж, окопались. Местные боевики были вооружены, ожидали провокации. И вот лежат они в песчаных ямках, дрожат от холода, а вставать нельзя — только вскочишь попрыгать, чтоб хоть как-то согреться, командир сразу по каске прикладом — матрос, лежать!

Потом обсохли и приступили к патрулированию города и вывозу армянских семей. Адресно по квартирам ходили, долго уговаривали открыть, после чего везли на корабли. Матери писал, как велели политруки: все нормально, гуляем по парку, кушаем мороженое. Последние месяцы службы провел, погрузившись в заработок — варганил дембельские альбомы. Тут-то и проявились хваленые гены: он и переносил картинки по трафарету, и отпечатывал оттиски, и обтягивал обложки бархатом, и, конечно, рисовал. Особенно удавались корабли. Зарабатывал на альбомах, как министр. Из одной бархатной скатерти получались две альбомные обложки. Скатерть стоила десятку, альбом уходил за сто пятьдесят. Делал регулярные переводы домой, отцу справил новую канадку — офицерскую кожаную куртку на меху.

Когда со службы вернулся, смутные времена в самом начале были. Бойня в Баку уже ничего хорошего не предвещала, а тут вообще сплошной негатив начался. Занимался чем придется, тем, этим, спортом в том числе. Он лукаво подмигнул гостю, и тот квалифицировал упоминание о спорте как намек на участие в преступных группировках, состоявших зачастую из спортсменов. Когда все утряслось, он остепенился, теперь возглавляет местный комитет по культуре и туризму, занимается духовно-нравственным воспитанием молодежи, принимает гостей со всего мира. Заняв должность, он вспомнил свой флотский опыт и завел традицию — объезжать праздничной ночью все села района.

И вот на прошлый Новый год он нарядился в шубу Деда Мороза, напялил расшитую шапку, натянул огромные рукавицы и повесил на шею бороду. Постоянно быть в накладной бороде невыносимо жарко, особенно если под накладной у тебя еще своя настоящая. Он взял в одну руку посох, в другую — мешок, сел в свою «Волгу» цвета «серебристый металлик» и отправился в путь. В мешке лежали подарки для неимущих семей, для именитых жителей, для одиноких матерей и стариков, а на самом дне — для своих: набор петербургской акварели для сына, синеглазая кукла для дочери и увлажняющий крем для тела жены. Родное село стояло последним в его новогоднем маршруте, вернуться он планировал аккуратно к бою кремлевских курантов и радовался возможности весь вечер таскать с собой подарки для самых близких.

Сначала все шло по накатанной: в первом, самом отдаленном селе он надвинул бороду, поздравил собравшихся на площади жителей, вручил подарки, в том числе и придурковатой Хадиже, пришедшей с пожилой матерью, выпил обязательную рюмку и уехал. Во втором селе сказал речь, поздравил, подарил, сдвинул бороду, выпил, закусил хинкалом. В третьем поздравил, подарил, выпил прямо через бороду, уехал. И так вплоть до пятого села, где его встретили встревоженные жители.

Оказалось, что буквально за полчаса до его появления на площадь приехали религиозные фанатики, заявили, что деды и прадеды Новый год не отмечали, что Новый год — грех, а елка воплощает всю глубину духовного падения современного человека. После этих слов фанатики закинули в грузовик лесную красавицу, украшавшую площадь, и увезли в неизвестном направлении.

- И тогда я приказал назвать имена, — сказал проводник тоном падишаха.

Гость слушал, не отрываясь, женщина вздохнула.

Жители села сначала не решались выдать похитителей елки, но, выслушав убедительные аргументы, назвали двоих.

— Район маленький, все друг друга знают, — усмехнулся рассказчик. — Третий был чужаком, а двое оказались местными.

Ему выдали не только имена, но и снабдили номерами телефонов. Решив, что разговор требует личного присутствия, мужественный рассказчик не стал звонить, а направился напрямик домой к тому преступнику, который проживал ближе. Несколько мужчин вызвались сопровождать его, но, не желая никого подвергать опасности, он пошел один.

После продолжительного стука в ворота ему открыла строгая женщина, которая процокала и прохаркала, что сына дома нет. По второму адресу его ждала похожая картина, с тем лишь отличием, что ворота открыл мужчина, заявивший, что не видел своего паршивца с позавчерашнего утра.

Тогда он решил звонить.

Голос в трубке был взволнованный и запыхавшийся.

- Я его сразу спросил, куда он и его дружки дели елку, — сказал проводник. — Он сначала отпирался, но недолго. — Проводник многозначительно посмотрел на гостя, и тому стало ясно, он умеет вести допрос быстро и эффективно. Даже по телефону.

— Вам чуду не нравится? — спросила у гостя женщина.

— Что?

- Чуду, пирог, — сказала женщина и переложила на его тарелку увесистый сегмент здорового пирога.

— Очень нравится! — воскликнул изрядно переевший гость.

— Тогда почему не кушаете? — спросила его женщина тем тоном, каким говорят с провинившимся школьником.

Гость прилежно принялся за чуду, а проводник вернулся к рассказу. Похититель елки быстро скис и сообщил ему свое и подельников местоположение. Через считанные минуты он, проводник, в распахнутом тулупе, в расшитой шапке, в рукавицах, при бороде и с посохом, прибыл на место.

На уединенной поляне на склоне горы пахло гарью. В центре пятна, чернеющего в свете фар «Волги», горел остов елки. Грузовика не было. Поблизости топтались двое. У одного стремительно распухла разбитая губа. Без слов стало ясно — по телефону говорил именно этот.

Первым делом Дед Мороз выхватил огнетушитель, но тот вместо спасительной струи выжал из себя лишь жалкий плевок. Тогда Дед Мороз набросил на огонь свой тулуп. Пламя удалось сбить, но зрелище представилось печальное. Большая часть веток успела сгореть, мишура скукожилась, пластиковые шары оплавилась, красная звезда-наконечник потекла.

- Сейчас вы двое найдете новую елку и поставите ее на место, — сказал Дед Мороз понурившимся негодяям и сунул бороду в карман — такое было пекло.

Те, однако, выполнить приказ отказались.

Тогда он спросил, имеют ли они что-нибудь лично против него, Деда Мороза и председателя комитета культуры и туризма всего района?

Негодяи ответили, что нет, против него лично они ничего не имеют.

Тогда он спросил, не настроены ли они против его отца?

Ни в коем случае, его отец — почетный житель района.

Уж не затаили ли они зло на его дядю-участкового?

Нет, дядя-участковый — всеми уважаемый человек.

Тогда, может быть, им чем-то не угодил другой его дядя, начальник леспромхоза?

Оказалось, что и другой дядя пользуется у негодяев непререкаемым авторитетом.

— Я сказал им, что, когда пробьют куранты, в селе должна стоять елка. — Проводник выразительно посмотрел на гостя и даже поднял вверх указательный палец.

— И что они?

— Побежали искать елку, до Нового года оставалось сорок пять минут, — ответил проводник.

— Успели найти?

— Нет, — проводник выдержал торжественную паузу и добавил: — Я их остановил.

Он дал негодьям команду «отставить», потому что понял — негоже племяннику начальника леспромхоза портить в праздничную ночь зеленые насаждения. Он решил поступить иначе.

Они привязали обгорелую елку на крышу «Волги» и погнали в село. Одного из негодяев, который еще не до конца раскаялся, он посадил сзади, а другого — с разбитой губой — рядом. Ремни безопасности, разумеется, не пристегнули — по тамошней традиции, новорожденных принято туго пеленать, поэтому они всю жизнь ненавидят любые путы.

Когда они прибыли в село, площадь почти опустела, только несколько стариков сидели на пеньках, служащих скамейками. Елку оперативно установили на прежнее место, и жители собрались вокруг. Выглядело все, однако, совсем не празднично. Обгоревший скелет с редкими иголками и жалкими остатками игрушек. Среди пришедших пробежал шепоток, что, мол, позорно такой уродиной украшать село в государственный праздник. Перемазанный сажей Дед Мороз залез по лестнице на самую верхушку, достал из кармана бороду и стал оттирать скособоченную звезду. Очистить звезду он не смог и тогда просто надел на нее свою переливающуюся серебряными нитями шапку. Последовав его примеру, одна смелая женщина, про которую говорили, будто она живет с четырнадцатилетним, сняла с головы платок и повязала на ветку. Тут из радио донесся бой кремлевских курантов, и жители села принялись поздравлять друг друга, а чумазый Дед Мороз подошел к негодьям с полиэтиленовым пакетом и велел переложить в него все деньги из карманов.

Когда карманы были опустошены и даже вывернуты, пакет под общее одобрение был передан одинокой вдове, у которой дочь училась в институте.

— На сессии пригодится. — Проводник снова подмигнул гостю. Задабривание экзаменаторов — обычное дело в том краю.

Деда Мороза пригласили за стол, он поел и выпил рюмки две или три. А может быть, шесть. Перед возвращением домой ему осталось побывать в одном единственном селе. Ехал он аккуратно, небыстро. Когда добрался, его сразу принялись угощать. Он что-то говорил, поздравлял и вручал. Потом заметил красивую девушку и сказал, что он ее похищает. Ему напомнили, что он женат, на что он возразил, что похищает красавицу для друга. Красавица между тем оказалась строптива и наотрез отказалась быть похищенной...

Женщина вышла из-за стола. Посмотрев ей вслед, проводник продолжил.

Получив тогда отказ от красавицы, он отдал ей свой посох, а сам собрал со стола скатерть вместе с яствами, стянул наподобие узла и объявил, что это компенсация. Домой вернулся утром. Из наряда Деда Мороза осталась только левая рукавица и мешок. Костяшки на правом кулаке были разбиты. Когда он полез в мешок за подарками, за акварельным набором, за куклой и за кремом, то обнаружил только осколки тарелок, бараньи кости и размокший кусок лепешки.

- С тех пор не пью, — сказал проводник. — Хорошо, жена у меня добрая, простила. — Он кивнул в сторону кухни, где женщина заваривала чай.

После ужина проводник достал гармошку и, подыгрывая себе и глядя поверх гостя, принялся петь очень длинную и очень красивую песню.

Гость провел в селе три незабываемых дня. Он видел руины дома религиозного фанатика, убитого во время спецоперации. В местном музее видел потрепанное знамя имама. Знамя раздваивалось, и кончики были окрашены красным. Смотрительницей в музее работала приветливая женщина в черном. Погибший фанатик приходился ей единственным сыном. Гость видел кладбище с торчащими наперекосяк, как плохие зубы, длинными камнями. И, конечно, он видел гору, взятую когда-то штурмом, но по сей день закрывающую половину звездного неба.

На ступенях монумента, посвященного именитому местному уроженцу, гость поддел ногой целый пласт палых листьев. Листья никто не подметал, ими было засыпано все вокруг.

— Ничего, школьники соберут для гербария, — нашелся проводник и добавил: — Я стараюсь мыслить позитивно.

На прощанье проводник, он же глава департамента культуры и туризма, он же Дед Мороз, подарил гостю кружку с видом горы и сказал, что, вдохновившись воспоминаниями,

поговорил с отцом и тот признался: ни он, ни дед во флоте никогда не служили. Просто одалживали красивую черную форму специально для фотографии.

О.Э. Мандельштам «Сохрани мою речь...»

Направления для анализа: трактовка темы памятника, литературная традиция, используемая в стихотворении, связь жанра произведения с проблематикой, традиция и новаторство поэта, композиция, связь ритмической и звуковой организации с содержанием текста.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда.
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.

И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я — непризнанный брат, отщепенец в народной семье,-
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.

Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи -
Как, нацелясь на смерть, городки зашибают в саду,-
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубашке
И для казни петровской в лесу топорнице найду.

1931 г.

2. Творческое задание

В Малой филологической академии филологического факультета Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского на занятиях отделения «Филология» рассматриваются вопросы, связанные с освоением особенностей анализа и письма. Для этого необходимо умение использовать различные композиционные, речевые, сюжетные, стилистические приёмы. Подготовьте для слушателей данной школы «художественную инструкцию»: «Как написать текст в творческой манере В. В. Маяковского?» Объём – около 200-250 слов.